

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.17

Original article

ТАРАСОВ Александр Алексеевич
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
e-mail: aatar@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6743-5517>

TARASOV Aleksandr Alekseyevich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia.

ОБ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ ГРАНИЦ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

ON THE RELATIVITY OF THE LIMITS OF PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. Разграничение частного и публичного интересов и поиск баланса между ними в системе уголовно-процессуального регулирования, так или иначе, связаны со всеми иными теоретическими и практическими проблемами уголовного судопроизводства и уголовно-процессуальной политики. Вопросы соотношения публичных и частных интересов всегда находились в эпицентре научных дискуссий и острого идеологического противостояния. Цель: показать, что в уголовном процессе, преимущественная публичность которого никогда не ставилась под сомнение, защита законных частных интересов участников производства по уголовным делам и иных лиц, зависимых от этого производства, всегда составляла и публичный интерес тоже. Методы: исторический метод позволил проследить в динамике формирование научных представлений о соотношении публичных и частных интересов в уголовном процессе; конкретно-юридический – сопоставить эти представления с требованиями закона, действовавшими в разные исторические периоды; метод структурно-системного анализа и синтеза использовался для обоснования авторской позиции относительно субъектов, представляющих каждый из анализируемых интересов в конкретных правоотношениях, о содержании этих интересов и их соотношении в каждом случае. Результаты: сформулирован вывод об условности деления интересов, защищаемых в уголовном судопроизводстве, на публичные и частные, поскольку публичное начало всего уголовного процесса предполагает равную защиту каждого законного интереса, кто бы ни выступал его носителем в конкретной ситуации. Такой подход позволяет обеспечить защиту общества и каждого человека и от преступлений, и от злоупотреблений властью, представляющих равную угрозу для публичных интересов.

Abstract. The distinction between private and public interests and the search for a balance between them in the system of criminal procedure regulation are in one way or another connected with all other theoretical and practical problems of criminal proceedings and criminal procedure policy. The issues of the relationship between public and private interests have always been at the epicentre of scientific discussions and acute ideological confrontation. Purpose: to show that in criminal proceedings, the overriding publicity of which has never been questioned, the protection of the legitimate private interests of participants in criminal proceedings and other persons dependent on those proceedings has always constituted a public interest as well. Methods: the historical method allows us to trace the dynamics of the formation of scientific ideas about the relationship between public and private interests in criminal proceedings; the concrete legal method consists in comparing these ideas with the requirements of the law in force in different historical periods; the method of structural-system analysis and synthesis is used to substantiate the author's position on the subjects representing each of the analysed interests in specific legal relations, on the content of these interests and their correlation in each case. Results: the article formulates a conclusion about the conditionality of dividing the interests protected in criminal proceedings into public and private ones, since the public beginning of the entire criminal procedure presupposes equal protection of each legitimate interest, no matter who is its bearer in a particular situation. This approach allows ensuring the protection of society and each person from both crimes and abuses of power that pose an equal threat to public interests.

Ключевые слова: публичность уголовного судопроизводства, баланс публичного и частного интересов, уголовно-процессуальные правоотношения, правоохранительные органы, обвиняемый, потерпевший

Для цитирования: Тарасов А.А. Об относительности границ публичного и частного интересов в уголовном процессе / А.А. Тарасов. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.17 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 152–163.

Keywords: publicity of criminal proceedings, balance of public and private interests, criminal procedure legal relations, law enforcement agencies, accused, victim

For citation: Tarasov A.A. On the Relativity of the Limits of Public and Private Interests in Criminal Proceedings. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 152–163. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.17.

ВВЕДЕНИЕ

Уголовное судопроизводство – это сфера взаимодействия множества разнонаправленных интересов, которые лишь в самом обобщенном виде можно назвать либо публичными, либо частными. Проблема соотношения публичных и частных интересов всегда была в эпицентре идеологических дискуссий, касающихся назначения уголовного судопроизводства и направлений оптимизации правового регулирования разных его этапов и элементов, поскольку все это в конечном счете сводится к определению оптимального соотношения публичного и диспозитивного (то есть частного) начал в уголовном процессе. Большинство авторов, как правило, искренне убеждены, во-первых, в том, что их позиция по вопросу о соотношении частного и публичного начал в уголовном судопроизводстве – единственно возможная, а во-вторых, в том, что именно в их время особенно важно правильно определить это соотношение. Категоричность суждений часто видна из названий научных трудов известных специалистов в области уголовно-процессуального права, которые неизменно отмечают относительность границ между частным и публичным интересами в правосудии любой отраслевой принадлежности, но при этом по-разному оценивают такое их соотношение, которое они готовы считать оптимальным [1].

По поводу определения ведущими учеными-процессуалистами решающего, переломного или даже революционного момента для оптимизации публичного и частного начал в уголовном судопроизводстве позволим себе без собственных комментариев привести две цитаты из научных трудов разных лет издания.

В.В. Дорошков, 2023 г.: «Соотношение объема публичного и частного зависит от многих факторов, в том числе от традиций национальных правовых систем, от конкретной социальной и криминальной среды, в которой существует современный человек, от степени культурного развития общества... Особое значение данная тема приобретает в связи с нынешней деформацией и сменой либеральной государственно-правовой системы в России на совершенно новую систему, которая, возможно, не только сохранит нашу страну от внешних и внутренних угроз, но и уберет россиян от антисоциальных поступков в условиях острой борьбы различных цивилизаций и идеологий» [2, с. 31–32].

Л.Д. Кокорев, 1984 г.: «В современных условиях значение проблемы соотношения общественных и личных интересов в уголовном процессе обуславливается той острой идеологической борьбой, которую ведут силы социализма, демократии и силы реакции, антикоммунизма. Клевета на советский строй является основным содержанием антикоммунизма – главного идейно-политического оружия империализма» [3, с. 5].

Не вдаваясь в детали, подчеркнем, что, судя по всему, не было в исследовании проблем сочетания публичных (общественных) и частных (личных) интересов в уголовном судопроизводстве периодов хотя бы относительного затишья. Проблема эта настолько глобальна, что дискуссионный фон и острый эмоциональный накал будут сопровождать ее обсуждение всегда.

Отчасти такое положение вещей объясняется, как полагаем, неопределенностью границ между ключевыми понятиями обозначенной темы, притом что мало кто из авторов готов публично признаться в непонимании

различий между теми явлениями, которые он анализирует в столь категоричном тоне. Ключевыми в этом контексте считаем следующие понятия: частный (личный) интерес; публичный, или государственный, или общественный интерес; коллективный (групповой) или ведомственный интерес. Далее попытаемся показать, что в самых категоричных суждениях о балансе между этими интересами, о конкретных носителях каждого из названных интересов в конкретных условиях, о допустимом и допускаемом в реальности приоритете одного из названных интересов перед другим (или другими) авторы иногда смешивают эти понятия, а потому и приходят к логически небезупречным выводам о балансе между разными интересами.

Частный и публичный интересы в уголовно-процессуальных правоотношениях

Вся система уголовно-процессуального регулирования – это определение нормативно-правовых условий и форм взаимодействия публичного и частного интересов и защиты каждого из них. В.В. Дорошков характеризует это взаимодействие через определение каждого из названных интересов, не существующих друг без друга: «Если в публичных началах выражается ограничение прав и свобод личности, то в частных – самоограничение государственной власти. Публичность говорит о защите интересов общества в целом, включающего как потерпевшего, так и обвиняемого. Организация же уголовного судопроизводства исключительно на публичных началах в современных условиях уже не сможет в максимальной степени обеспечить интересы защиты каждого отдельного человека, попавшего в сферу уголовно-процессуальной деятельности» [2, с. 36–37]. Лучше не скажешь.

Так, например, действуя в защиту частного интереса, человек, считающий себя пострадавшим от преступления, обращается к органам публичной власти за защитой именно этого, то есть собственного частного интереса. Государственные органы, руководствующиеся публичным интересом защиты общества от преступлений (этот же интерес в литературе называют борьбой с преступностью или

противодействием ей, что в данном случае непринципиально), несут юридическую обязанность обеспечить должное реагирование на это заявление – провести по нему проверку, решить вопрос о возбуждении уголовного дела либо об отказе в этом. В первом случае государство обязано обеспечить проведение предварительного расследования события, в котором обнаружены признаки преступления, и при наличии несомненно доказанных оснований для привлечения лица, совершившего это преступление, к уголовной ответственности предъявить ему обвинение, обоснованное доказательствами, а далее – рассмотреть и разрешить уголовное дело в суде и исполнить приговор. Таким образом, частный интерес конкретного человека, попавшего в сферу уголовного судопроизводства, уже перестает быть собственно частным интересом. Будучи движущей силой для действий самого частного лица (пострадавшего от преступления), частный интерес способствует запуску публично-правового механизма своей защиты. Позволим себе утверждать, что такая или приблизительно такая схема взаимодействия частного и публичного интересов характерна для системы права вообще, а отнюдь не только для сферы деятельности правоохранительных органов и суда.

Профессор Г.Ф. Шершеневич в начале XX в. так писал о субъективном праве и частном интересе применительно к гражданско-правовому регулированию: «Из юридического отношения обнаруживается прежде всего право, которое называется субъективным, или правомочием. Под именем *права в смысле субъективном* понимается обособленная объективным правом возможность осуществления интереса... Субъективное право не теряет своей силы в том случае, когда осуществление обеспечиваемого им интереса сопряжено с нарушением интересов других лиц» [4, с. 58].

Слово «интерес» латинского происхождения (*inter est, inter esse, intersum*, букв. – быть (находиться) между), и означает оно некое промежуточное, то есть неустойчивое положение между двумя сущностями¹. В нашем случае – между тем, что есть, и тем, что желается. Интерес – это движущая сила осознанно-

¹ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь : ок. 50 000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Русский язык, 1976. С. 543, 548.

го поведения его носителя, удовлетворяюще-го какую-то свою потребность, что в равной степени актуально и для каждого отдельного человека, и для общества, с той принципиальной разницей, что интересы общества – это интересы большинства людей. Однако очевидно и то, что никто персонально и даже никакая обособленная социальная группа не вправе присваивать себе монопольное право на общественный, то есть публичный, интерес.

Академик РАН В.С. Нерсисянц, автор знаменитой и по-разному воспринимаемой юридической общественностью «либертарной концепции права», в начале века XXI определял «индивидуальное благо» и «общее благо» как юридически квалифицированный, соответственно, индивидуальный (частный) и общий (публичный) интерес [5, с. 70]. Связь между обоими благами и интересами обозначена у В.С. Нерсисянца так: «Общий интерес и общая воля носителей различных частных интересов и воля – если они хотят быть свободными – состоят в формировании, утверждении и действии всеобщей правовой нормы общеобязательного для всех права» [5, с. 71]. В литературе по теории права эта позиция ученого толкуется однозначно: «любая норма права объединяет в себе оба начала, и публично-правовое, и частно-правовое» [6, с. 14].

Сказанное неспецифично ни для какой отдельной отрасли права, а свойственно объективному праву вообще, если понимать под правом не навязанную обществу некую внешнюю силу, а созданную самим обществом систему правил поведения, объективно полезную для всего этого общества и именно поэтому официально утвержденную государственной властью, принявшей на себя ответственность за соблюдение этих правил всеми. И дело, как полагаем, вовсе не в том, кто именно и когда эти идеи сформулировал, а в том, что право – это продукт взаимодействия людей как носителей множества частных интересов, и устремлено это взаимодействие (а значит, и право) к всеобщему благу, то есть к приемлемой для большинства людей цели их сосуществования. Уголовно-процессуальное право и регулируемый его нормами уголовный процесс тоже устремлены к обеспечению блага всего общества. Едва ли кто-то осмелится утверждать, что уголовный процесс нацелен на причинение зла создавшему его обществу.

В связи с этим профессиональный юридический анализ публичного и частного интересов в уголовном процессе и соотношения между ними требует уяснения нескольких правовых характеристик того и другого интересов. Этот анализ осуществляется в контексте таких юридических понятий, как субъективное право (мера возможного поведения его конкретного носителя) и право объективное (система общеобязательных правил поведения, позволяющих упорядочить реализацию субъективных прав всеми их обладателями). Специально подчеркнем, что объективное право не существует само по себе, то есть вне всей совокупности субъективных прав всех людей, точно так же как общество не существует вне людей.

В оторванном от людей с их субъективными правами и частными интересами виде объективное право просто не имеет смысла: в любом человеческом взаимодействии между собой контактируют только конкретные люди, а не какие-то абстрактные сущности, способные функционировать вне человеческого бытия и сознания. Так, ни государство, ни общество не действуют в уголовном процессе сами по себе, они представлены в уголовно-процессуальных отношениях конкретными государственными служащими, должностными лицами, выступающими в разных процессуальных качествах – следователя, прокурора, судьи и т. д. Прав Л.В. Головки: «участником уголовно-процессуальных отношений государство *напрямую* не является ни в одном правопорядке, хотя трудно найти отрасль права, больше пронизанную публично-правовым началом, нежели уголовно-процессуальное право» [7, с. 167]. В нашем контексте важно подчеркнуть, что никто из должностных лиц, представляющих в уголовном процессе государство, не перестал на время исполнения своих служебных обязанностей быть носителем и своих частных интересов тоже.

Профессор Л.Д. Кокорев в советские годы обращал внимание на то, что объективный и субъективный интересы разграничиваются как идеальное и материальное, причем характерно это и для общественного (сейчас он чаще называется публичным), и для личного (называемого сегодня частным) интересов. Так, например, общественный интерес объ-

активно состоит в борьбе с преступностью, в противодействии ей, то есть в быстром и полном раскрытии преступлений и далее по тексту ст. 2 УПК РСФСР 1960 г. [3, с. 7], в которой определялись задачи советского уголовного судопроизводства. Это обстоятельство не вызывает сомнений и сегодня. Не вызывает сомнений и то, что реализация назначения уголовного судопроизводства, определенно в ст. 6 УПК РФ через универсальную категорию «защиты прав и законных интересов» как всех физических и юридических лиц, пострадавших от преступлений, так и тех, кто подвергается уголовному преследованию, – это тоже объективный общественный интерес. Общество и все его представители без исключения нуждаются в защите от преступлений и от злоупотреблений властью. Едва ли кто-то рискнет это оспорить при любом отношении к формулировкам статей закона, определяющих либо определявших ранее цели, задачи либо назначение уголовного процесса. Едва ли это может быть оспорено по существу даже теми авторами, которые утверждают, что никаких целей и задач в действующем УПК РФ не обозначено вовсе [8, с. 162].

Однако продолжим анализ рассуждений Л.Д. Кокорева. «Личные интересы отражают потребности отдельных участников процесса в охране процессуальных прав в связи с вовлечением в уголовное судопроизводство» [3, с. 8]. Сказанное выглядит самоочевидным и даже банальным, однако далее один из ведущих советских процессуалистов формулирует совсем не банальный и актуальный до сих пор вывод: законный интерес личности – это выделение объективного из личного интереса для закрепления его в законе [3, с. 9], что, как полагаем, означает только одно: законный интерес личности – это тоже общественный интерес, поскольку в законном интересе нашел выражение некий обобщенный, усредненный интерес бесконечного множества людей, оказавшихся в схожей жизненной ситуации либо потенциально могущих в ней оказаться, а значит – всего общества.

НОСИТЕЛИ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ИНТЕРЕСОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Главный вопрос, на котором предстоит сосредоточить далее внимание, – о принци-

пиальной допустимости противопоставления частного (в советской терминологии – личного) и публичного (в советской терминологии – общественного) интересов в уголовном судопроизводстве. В современной литературе такое противопоставление в пользу публичного интереса принято связывать с какими-то переломными моментами в истории, а в пользу частного – периоды относительной стабильности. В.В. Дорошков пишет об этом так: «в тяжелые для страны времена наши предки в ущерб частным интересам заботились о приоритете публичных интересов, веря в справедливость действий представителей органов государственной власти» [2, с. 35]. В этом высказывании субъекты – носители и частных, и публичных интересов обозначены предельно конкретно.

В советские годы сформировался классический подход к проблеме взаимосвязи общественных и личных интересов, имеющей «особое значение для уголовно-процессуальной теории и практики» [3, с. 10]: «Экономический и политический строй социализма объективно обуславливает единство коренных интересов общества и личности во всех сферах общественной жизни», однако их «гармоническое сочетание» не исключает «возможности их частичного несовпадения и наличия противоречий» [3, с. 15]. И далее после этих довольно привычных общетеоретических размышлений Л.Д. Кокорев приходит к еще одному весьма примечательному и не утратившему значения в современных условиях выводу: «Оптимальные пути их разрешения следует искать... учитывая социальную ценность конкретных общественных и личных интересов» [3, с. 16]. Обратим внимание на отсутствие роковой предопределенности в оценке социальной ценности каждого из двух интересов – личного и общественного, а в современной терминологии – частного и публичного. В каждом конкретном правоотношении оба названных интереса оцениваются столь же конкретно на предмет «социальной ценности», и ни из чего не следует, что общественным интересам всегда отдается приоритет. И это притом что, казалось бы, само определение «развитого социализма», на время которого приходится опубликование цитируемой коллективной монографии под редак-

цией профессора Л.Д. Кокорева, предполагает стабильную расстановку таких приоритетов в принципе. Во всяком случае, господствующие тогда идеологические концепции «единой общенародной собственности», «единой исторической общности советский народ», категорический отказ от слова «частная» в отношении «личной трудовой собственности» в Конституции СССР 1977 г. и многое другое однозначно свидетельствует об официальном юридическом предпочтении общественных интересов интересам личным. Такой же принципиальный подход стоял за уголовно-правовым запретом и на частную предпринимательскую деятельность или коммерческое посредничество с использованием государственных или общественных форм (ст. 153 УК РСФСР 1960 г.), и на спекуляцию (ст. 154 УК РСФСР 1960 г.) – «скупку и перепродажу с целью наживы» (что, как известно, образует существо любой оптовой и розничной торговли) и т. д. Человек должен был ощущать себя частью общества и обязан подчинять свои интересы общественным. Однако в каждом конкретном уголовно-процессуальном правоотношении социальная ценность конкретного личного и общественного интересов, по мнению Л.Д. Кокорева, должна оцениваться индивидуально применительно к данному правоотношению.

Развивая эту мысль далее, Л.Д. Кокорев справедливо утверждал, что желание обвиняемого отказаться от дачи показаний или дача им ложных показаний, хотя и могут свидетельствовать о его стремлении воспрепятствовать установлению истины, уклониться от ответственности (то есть вступить в противоречие с объективными общественными интересами), соответствует интересам обвиняемого, охраняемым законом.

Объективно необоснованный оправдательный приговор и ограничения на его отмену, связанные с субъектами обжалования или опротестования и предельными сроками принесения протестов и жалоб на него, – это явная законодательная уступка личным интересам. Ограничения на производство следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела (напомним, что согласно ст. 109 УПК РСФСР 1960 г. при проверке сообщения о преступлении допускались только осмотр места происшествия, получение объ-

яснений и истребование необходимых материалов) Л.Д. Кокорев тоже рассматривал как законодательно закрепленное преимущество личных интересов, в сферу которых недопустимо вторгаться без достаточных оснований для возбуждения уголовного дела и полноценного предварительного расследования [3, с. 18–19].

В этих и многих других законодательных решениях советской эпохи, которыми закреплён приоритет интересов личности над объективными интересами общества в конкретной жизненной ситуации, нельзя не видеть и общественных интересов, состоящих в защите личности вообще от необоснованного или чрезмерного вторжения в сферу ее частных интересов. Не менее значимым представляется утверждение Л.Д. Кокорева о том, что выразителями общественных интересов могут быть все участники уголовного процесса, и прежде всего должностные лица [3, с. 19]. Важно подчеркнуть, что должностные лица государства – это хотя и самые первые, и главные, и обязательные, но все же не единственные выразители общественного интереса в уголовном процессе.

М.В. Немытина не без оснований утверждает: «Представляется неверным отождествлять публичный интерес с государственным» и считает очевидным, что «публичный – это общественный интерес (лат. publicus), а не интерес государства» [9, с. 49]. В государственно организованном обществе главным выразителем публичного интереса действительно является государство, и оспаривать это бессмысленно. Для уголовного процесса это характерно как минимум потому, что обязательные участники всех уголовно-процессуальных отношений – это властвующие субъекты, то есть должностные лица государства. Однако, во-первых, институты гражданского общества в лице, например, Уполномоченного по правам человека или Уполномоченного по правам ребенка и др., так или иначе, тоже вовлекаются в современный российский уголовный процесс, что является предметом серьезного обсуждения в специальной литературе на протяжении уже не одного десятилетия [11, с. 137–147] с предложениями расширять формы этого участия, в том числе и на законодательном уровне [12, с. 100]. Во-вторых, суд с участием присяжных заседателей, то

есть привлечение к отправлению правосудия людей, не являющихся представителями государства в уголовном процессе по определению, самим фактом своего существования подчеркивает допустимость несовпадения публичного (в смысле общественного) и государственного интересов.

Подчеркивая допустимость несовпадения понятий «публичный интерес» и «государственный интерес» и их общее несовпадение с понятием «частный интерес», далее считаем необходимым выяснить, как понимается в современной научной литературе баланс частного и публичного интересов.

ПРОБЛЕМА ПРАВОВЫХ ИНТЕРЕСОВ В ПОИСКАХ БАЛАНСА ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО НАЧАЛ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Баланс публичного и частного начал в уголовном процессе справедливо считается ключевой проблемой уголовно-процессуальной теории и практики. Такой баланс (от фр. *balance* – весы, равновесие), по логике, предполагает равную защиту всех социально значимых интересов с пониманием условности их деления на публичные и частные, поскольку объективно обоснованное и временное ограничение одного интереса непременно должно быть сопряжено с повышенной защитой какого-то другого, в данный момент времени социально более значимого интереса. В таком условном делении недопустимо руководствоваться только субъектом – носителем этого конкретного социально значимого интереса. В поисках баланса любая гипертрофия чревата большими и малыми просчетами и ошибками в правотворчестве и правоприменении.

Так, например, в отношении человека, обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено лишение свободы на срок более трех лет, практически здорового, достаточно авторитетного для окружающих, а потому способного влиять на них, достаточно обеспеченного, чтобы скрыться, следственные органы и суд, руководствуясь публичным интересом обеспечения неотвратимости уголовной ответственности, имеют законные основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. С этих позиций заключение под стражу будет отвечать

требованиям законности и обоснованности в привычном их понимании, общим условиям применения мер пресечения, которые традиционно связываются с допустимостью ограничения прав самого обвиняемого или подозреваемого при наличии к тому законных оснований [12, с. 23]. Однако предположим, что обвиняемый прочно привязан к своей семье наличием у него нескольких иждивенцев, для которых он является единственным кормильцем, что он работает и имеет стабильный доход и исполняет свои семейные обязанности в течение многих лет исключительно добросовестно. Второй из обозначенных здесь интересов – частный интерес человека, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, и частные интересы членов его семьи или других его иждивенцев. Однако заметим, что это еще и интересы семьи вообще, семейных привязанностей и ценностей, а также интересы обеспечения нормальной жизни социально незащищенных людей – то есть одновременно и публичные интересы, и предмет заботы всего общества и государства. Едва ли найдутся аргументы в пользу деления семей и семейных ценностей на заслуживающие защиты со стороны общества и не заслуживающие.

В научной литературе справедливо утверждается, что «ограничение свободы и личной неприкосновенности частных лиц должно быть соразмерным публичному интересу и минимально необходимым» [13, с. 14, 27]. В обеспечении самой этой соразмерности тоже состоит публичный интерес. И здесь, как представляется, нет противопоставления публичного интереса частному, не отдается приоритет одному над другим. Эти интересы взаимодействуют, а установление баланса между ними само по себе соответствует публичному интересу. В описанном выше случае заключения под стражу единственного добросовестного кормильца двух несовершеннолетних дочерей-школьниц (пример из собственной адвокатской практики автора) этот баланс едва ли был соблюден.

Имущественные интересы личности тоже традиционно понимаются как частные интересы конкретных его собственников или владельцев. К сфере частных интересов относится и предпринимательская деятельность

как самостоятельная деятельность, осуществляемая на свой риск конкретным субъектом гражданско-правовых отношений в целях систематического получения прибыли от пользования имуществом, выполнения работ или оказания услуг (ст. 2 ГК РФ). Однако активная предпринимательская деятельность разных ее субъектов, ориентированных на получение личного имущественного дохода, с возможным территориальным перемещением в этих целях, с готовностью менять сферу приложения профессиональных усилий и даже саму профессию – залог успешного развития экономики страны, что составляет уже совсем не частный, а публичный интерес. Активные и эффективные предприниматели – это основные поставщики платежей в бюджеты всех уровней, фондов социального страхования и пенсионных фондов, которыми пользуется потом все общество, в том числе, к слову, и правоохранительная, и судебная системы страны. Крупные предприниматели – это те, кто создает новые рабочие места, способствует развитию территорий, на которых они функционируют. Все перечисленное – это уже явно не только частные интересы конкретных людей, но и публичный интерес всего общества и государства.

В уголовно-процессуальных научных исследованиях иногда допускаются высказывания, основанные на двух распространенных и в реальной действительности связанных между собой стереотипах профессионального мышления: 1) отождествление обвиняемых (подозреваемых) с преступниками еще до того, как их вина доказана и подтверждена вступившим в законную силу приговором суда; 2) отождествление публичного и государственного интереса с интересами конкретных правоохранительных органов и должностных лиц с априорным признанием их правоты. Насколько подобный поход, с завидным постоянством воспроизводимый в литературе в разные годы, отвечает публичным интересам защиты населения от преступлений – это не такой простой вопрос, как может показаться на первый взгляд.

В.В. Дорошков писал в 2023 г.: «Современная либеральная доктрина отечественного уголовного судопроизводства, радеющая за бесконтрольное расширение частных начал в судопроизводстве, к сожалению, в основ-

ном сориентирована на обеспечение интересов обвиняемого» [2, с. 39]. Здесь намеренно указан год опубликования этого заявления, когда от первоначального текста УПК РФ уже мало что осталось, а в специальной литературе не так-то просто найти что-то, напоминающее «бесконтрольное расширение частных начал в судопроизводстве». Зато далее, прямо цитируя статью А.В. Агутина², В.В. Дорошков утверждает: «Благодаря этому произошло "повышение уровня защиты незаконного интереса подозреваемого (обвиняемого) за счет ущемления (стеснения) законных интересов потерпевшего от преступления, а также должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу"». В целях устранения такой диспропорции при защите частных начал в уголовном судопроизводстве нужны соответствующие изменения в УПК РФ» [2, с. 39].

Далее цитирование этой мысли будет продолжено, но здесь необходимо отметить довольно заметные контекстные преувеличения. Во-первых, интересы обвиняемого объявляются заведомо незаконными; во-вторых, делается упрек законодателю (на этот раз уже не каким-то доктринерам-либералам, а именно законодателю) в защите этого заведомо незаконного интереса; в-третьих, потерпевший и должностные лица указаны в едином перечне как носители «ущемленного (стесненного)» заведомо законного интереса.

Предположение, что интересы должностных лиц всегда законны, к сожалению, опровергается реальной практикой производства по уголовным делам в отношении сотрудников правоохранительных органов [14]. Изучение и обобщение практики расследования должностных преступлений не так редко убеждает исследователей в том, что под внешней видимостью неких социально значимых мотивов («интересы службы», «добиться справедливости», «обойти бюрократические формальности»), как правило, скрываются личные (карьеристские или корыстные) мотивы, ведущее место среди которых занимают коррупционные [15, с. 85]. Понятно, что от защиты объективного публичного интереса

² Агутин А.В. К вопросу о субъективном факторе российского уголовного судопроизводства // Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве : матер. междунар. науч.-практ. конф. М., 2011. С. 26–27.

в деятельности таких должностных лиц мало что остается. Однако даже вне криминального контекста абсолютное отождествление публичного интереса с интересами конкретных должностных лиц и даже конкретных правоохранительных органов в целом, участвующих в производстве по конкретному уголовному делу, тоже выглядит преувеличением. Преувеличение это основано на недооценке отмеченной выше разницы между объективным и субъективным в правовом интересе, между идеальным и реальным в нем. К.Е. Везденев, имеющий опыт и прокурорской, и судейской работы в судах первой и апелляционной инстанций, со знанием дела пишет о широко известных на практике так называемых «страховочных представлениях» прокуроров, которые приносятся исключительно для демонстрации процессуальной активности по уголовному делу, без цели добиться пересмотра решения суда первой инстанции и без какой-либо надежды на это [17, с. 118]. В результате апелляционная судебная инстанция, а до этого еще и суд первой инстанции, принимающий представления и жалобы на собственный приговор, загружены заведомо «холостой» работой, не приносящей социально значимых результатов, но отвлекающей от действительно важных дел. Формальные прокурорские «страховочные» представления такого типа по мере накопления опыта работы с ними постепенно приучают судей апелляционной инстанции столь же формально относиться и к пересмотру дел в апелляционном порядке, и к подготовке столь же формальных «определений-ответов» на «страховочные» представления. Объективному публичному интересу этот «обмен бумагами» явно не соответствует.

Не так много общего с реальной действительностью имеет и распространенная в литературе мысль об априорном совпадении публичного интереса законно и добросовестно действующих правоохранительных органов с частными интересами всех потерпевших от преступлений. Потерпевший по уголовному делу не так уж редко склонен к злоупотреблению правом, как, впрочем, и любой другой человек [17]. Потерпевший, безусловно, должен получать поддержку и помощь государственных органов в защите его прав и законных интересов, однако реализацию публичных инте-

ресов в уголовном судопроизводстве нельзя ставить в зависимость от мнения потерпевшего, руководствующегося в эмоционально тяжелой для него жизненной ситуации мотивами, которые часто не совпадают ни с законом, ни с публичным интересом, выраженным в этом законе [18].

Несовпадение интересов потерпевшего с интересами правоохранительных органов может допускаться – и на практике не так уж редко допускается – и в прямо противоположном варианте – в случае бездействия правоохранительных органов в ответ на обращение с заявлением о совершенном в отношении него преступлении [19; 20]. Это происходит всякий раз, когда уголовное дело не возбуждается «ввиду отсутствия судебной перспективы» или под какими-то другими предлогами или заявление попросту скрывается от регистрации. К сожалению, все названное и многое подобное – реальность современной правоприменительной практики, и какие интересы в этих отношениях публичные, а какие частные – не так-то просто понять.

Нельзя не заметить смысловой передержки и в следующем внешне идеологически выверенном и даже в чем-то привлекательном высказывании В.В. Дорошкова в продолжение цитируемого выше упрека законодателю в необоснованно повышенной защите интересов обвиняемого: «...любое предпочтение лишь одному субъекту права влечет обязательное ограничение для другого. Так, провозглашение высшей ценностью отдельного человека, его прав и интересов неминуемо влечет ущемление прав и интересов других людей и всего общества. Вследствие необеспеченности интересов общества страдают интересы каждого его члена, зависящего от общества» [2, с. 39]. Казалось бы, здесь говорится о недопустимости необоснованного предпочтения интересов одного человека интересам других людей и их общности в целом, с чем трудно не согласиться по существу.

В.В. Дорошков последователен в своих идеологических пристрастиях, что само по себе, конечно же, заслуживает уважения: «В антропоцентристском мировоззрении, распространенном на Западе, основное внимание акцентируется на индивидуализме каждой личности, его правах и свободах, человек со

своими правами ставится в центр вселенной. Однако в странах Востока, ориентированных в первую очередь на интересы общества, всегда преобладало социоцентристское мировоззрение, которое строилось на приоритете общественных интересов перед интересами отдельной личности. Восточному типу цивилизации свойственны коллективизм, солидарность, а западному – индивидуализм, автономия, рациональность. Соответственно, восточному типу цивилизации всегда были присущи – любовь, дружба, братство, доброта. В то же время западной цивилизации – эгоизм, выгода, стяжательство, жадность» [22, с. 133]. Оставим эту авторскую позицию без комментариев и озадачимся другим вопросом.

Зачем в контексте этих рассуждений подвергать критике почти точно процитированное положение ст. 2 Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»? Разве не с уважения всех и каждого к Основному закону страны начинается правовое государство, коим Российская Федерация провозглашена в ст. 1 нашей Конституции, против чего В.В. Дорошков не возражает? Разве «другие люди», о недопустимости ущемления интересов которых справедливо говорит В.В. Дорошков, сами не попадают под категории «человек» и «гражданин», права и свободы которых являются такой же высшей ценностью, признаваемой, соблюдаемой и защищаемой государством в силу возложенной на него конституционной обязанности? Разве признание, соблюдение и защита прав и свобод человека не соответствует публичному интересу в самом высоком понимании этих слов? Вопросы эти, на наш взгляд, риторические.

Масштабы одной статьи не позволяют осветить не то что все, но даже наиболее значимые проблемы глобальной темы соотношения публичного и частного интересов в уголовном процессе. Отдельного внимания заслуживает тенденциозность и явная идеологическая перегруженность анализа в научной литературе отечественной исторической традиции и за-

рубежного опыта в определении оптимального соотношения между частным и публичным началами в уголовно-процессуальном регулировании. Не меньший интерес представляет оценка роли суда как органа государственной власти и носителя публичного интереса в разрешении уголовно-правового спора между государством в лице службы государственного обвинения и частными лицами со стороны защиты. В этом же ряду – вопрос о том, защищает ли адвокат в уголовном процессе частные интересы конкретного обвиняемого, опровергая неопровержимое с точки зрения доказанности государственное обвинение, или он защищает публичные интересы правосудия в стране и право каждого на судебную защиту. Каждому из этих вопросов можно посвятить отдельный научный труд, и не один.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, осмелимся утверждать, что в уголовном судопроизводстве, где до вступления приговора суда в законную силу нет преступников, а есть обвиняемые, подозреваемые и подсудимые, нет «жертвы преступлений», а есть носитель процессуального статуса под названием «потерпевший», единственной гарантией соблюдения публичного интереса, состоящего в защите общества от преступлений (в том числе и должностных) и злоупотреблений властью, является обеспечение равных возможностей для реализации всех законных интересов всех участников процесса и иных лиц, частные интересы которых затрагиваются производством по уголовному делу. Повторимся: равных возможностей для всех людей, попавших в орбиту уголовного судопроизводства, без деления этих людей на «плохих» и «хороших», на «заслуживающих поддержки государства» и «не заслуживающих» ее. Повторимся и в другом: частный интерес, попавший в сферу уголовно-процессуальных правоотношений, перестает быть собственно частным интересом – он защищается и ограничивается, прежде всего, в интересах правосудия, которое всегда было, есть и будет объектом публичного интереса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Победкин А.В. Народу нужно только публичное право (чем обусловлено стремление цивилистов разграничить частное и публичное право? / А.В. Победкин // Честно-правовые и публично-правовые проблемы современной юриспруденции : сборник материалов II Международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию доктора юридических наук, профессора Виктора Николаевича Григорьева (Ульяновск, 12 сентября 2020 г.) / отв. ред.: С.Ю. Морозов и О.А. Зайцев. – Ульяновск : УлГУ, 2021. – С. 327–334.
2. Дорошков В.В. Разумное сочетание публично-го и частного в уголовном судопроизводстве / В.В. Дорошков // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 1. – С. 31–41.
3. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / науч. ред. Л.Д. Кокорев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 160 с.
4. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Г.Ф. Шершеневич ; вступит. ст. Е.А. Суханова. – Москва : Спарк, 1995. – 556 с.
5. Нерсесраянц В.С. Философия права : учебник для вузов / В.С. Нерсесраянц. – Москва : Норма-ИНФРА-М, 2001. – 652 с.
6. Болгова В.В. Основы публичного права : монография / В.В. Болгова. – Самара : Самар. отделение Литфонда, 2009. – 351 с.
7. Головкин Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография / Л.В. Головкин. – Москва : Городец, 2022. – 464 с.
8. Давлетов А.А. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития : монография / А.А. Давлетов, Н.В. Азаренко. – Екатеринбург : УрГЮУ, 2023. – 504 с.
9. Немытина М.В. Право России как интеграционное пространство / М.В. Немытина. – 2-е изд., перераб. – Саратов : Научная книга, 2008. – 260 с.
10. Тарасов А.А. Современный диалог судебной системы с институтами гражданского общества (по материалам Уполномоченного по правам человека в Самарской области) / А.А. Тарасов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – Т. 9, вып. 2. – С. 137–147.
11. Багаутдинов Ш.Ф. Производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и против несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Ш.Ф. Багаутдинов. – Казань, 2024. – 253 с.
12. Замуруева Е.Ю. Общие условия применения мер пресечения : монография / Е.Ю. Замуруева, К.В. Муравьев. – Москва : Проспект, 2024. – 168 с.
13. Лукьянова А.А. Реализация права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / А.А. Лукьянова. – Томск, 2024. – 42 с.
14. Халиков А.Н. Должностные насильственные преступления, совершаемые в правоохранительной сфере: характеристика, психология, методика расследования : монография / А.Н. Халиков. – Москва : Волтерс Клувер, 2011. – 544 с.
15. Халиков А.Н. Должностные преступления: характеристика, расследование, предупреждение (криминалистический аспект) : монография / А.Н. Халиков ; под ред. В.И. Комиссарова. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 312 с.
16. Везденев К.Е. Апелляционное обжалование приговоров: проблемы подготовки и оценки жалоб и представлений : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / К.Е. Везденев. – Тюмень, 2022. – 230 с.

REFERENCES

1. Pobedkin A.V. The People Need Only Public Law (What Is the Reason for the Desire of Civilists to Distinguish Between Private and Public Law? In Morozov S.Yu., Zaitsev O.A. (eds.). *Honest-Legal and Public-Legal Problems of Modern Jurisprudence. Collection of Materials from the II International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 65th Anniversary of Doctor of Law, Professor Viktor Nikolaevich Grigoriev (Ulyanovsk, September 12, 2020)*. Ulyanovsk State University Publ., 2021. pp. 327–334. (In Russian).
2. Doroshkov V.V. Reasonable Combination of Public and Private Elements in Criminal Proceedings. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2023, vol. 27, no. 1, pp. 31–41. (In Russian).
3. Kokorev L.D. (ed.). Public and Personal Interests in Criminal Proceedings. Voronezh State University Publ., 1984. 160 p.
4. Shershenevich G.F. Textbook of Russian Civil Law. Moscow, Spark Publ., 1995. 556 p.
5. Nersesrayants V.S. Philosophy of Law. Moscow, Norma-INFRA-M Publ., 2001. - 652 p.
6. Bolgova V.V. Fundamentals of Public Law. Samara, 2009. 351 p.
7. Golovko L. V. The State and Its Criminal Proceedings. Moscow, Gorodec Publ., 2022. 464 p.
8. Davletov A.A., Azarenok N.V. Criminal Procedure in Russia: Historical Roots, Current State, Prospects for Evolutionary Development. Ural State Law University Publ., 2023. 504 p.
9. Nemytina M.V. Russian Law as an Integration Space. 2nd ed. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2008. 260 p.
10. Tarasov A.A. Contemporary Dialogue of the Judiciary with Civil Society (According to the Material of the Commissioner for Human Rights in the Samara Region). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Law*, 2013, vol. 9, iss. 2, pp. 137–147. (In Russian).
11. Bagautdinov Sh.F. Criminal Proceedings on Crimes Committed by Minors and Against Minors. *Cand. Diss. Kazan*, 2024. 253 p.
12. Zamurueva E.Yu., Muravyov K.V. General Conditions for the Application of Preventive Measures. Moscow, Prospekt Publ., 2024. 168 p.
13. Lukyanova A.A. Implementation of the Right to Liberty and Personal Security in Criminal Procedure in Russia. *Cand. Diss. Thesis. Tomsk*, 2024. 42 p.
14. Khalikov A.N. Official Violent Crimes Committed in the Law Enforcement Sphere: Characteristics, Psychology, Investigation Methods. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2011. 544 p.
15. Khalikov A.N., Komissarov V.I. (ed.). Official Crimes: Characteristics, Investigation, Prevention (Forensic Aspect). Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 312 p.
16. Vezdenev K.E. Appeal Against Sentences: Problems of Preparation and Evaluation of Complaints and Representations. *Cand. Diss. Tyumen*, 2022. 230 p.
17. Sharipova A.R. Non-procedural behavior of the victim of iatrogenic crimes. *Ugolovnyj process = Criminal procedure*, 2024, no. 6, pp. 44–48. (In Russian).
18. Tarasov A.A. The Victim as a Subject of Abuse of Rights. *Protection of the Rights and Legitimate Interests of the Victim in Criminal Proceedings. Collection of Materials of the All-Russian Round Table with International Participation*. Saint Petersburg, Asterion Publ., 2024, pp. 156–169. (In Russian).

17. Шарипова А.Р. Непроцессуальное поведение потерпевшего от ятрогенных преступлений / А.Р. Шарипова // Уголовный процесс. – 2024. – № 6. – С. 44–48.

18. Тарасов А.А. Потерпевший как субъект злоупотребления правом / А.А. Тарасов // Защита прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: сборник материалов Всероссийского круглого стола с международным участием. – Санкт-Петербург : Астерион, 2024. – С. 156–169.

19. Скобликов П.А. Мотивы необоснованных и незаконных отказов в возбуждении уголовных дел / П.А. Скобликов // Уголовный процесс. – 2013. – № 4. – С. 68–74.

20. Скобликов П.А. Противодействие правоохранителей возбуждению уголовных дел: система привычных приемов и уловок / П.А. Скобликов // Закон. – 2016. – № 7. – С. 92–105.

21. Дорошков В.В. Уголовное правосудие в условиях метамодерна и умеренного консерватизма : монография / В.В. Дорошков. – Москва : Прометей, 2023. – 326 с.

19. Skoblikov P.A. Reasons for Unreasonable and Illegal Refusals to Initiate Criminal Cases. *Ugolovnyj process = Criminal Procedure*, 2013, no. 4, pp. 68–74. (In Russian).

20. Skoblikov P.A. Counteraction of Law Enforcement Officers to the Initiation of Criminal Cases: A System of Habitual Techniques and Tricks. *Zakon*, 2016, no. 7, pp. 92–105. (In Russian).

21. Doroshkov V.V. Criminal Justice in the Context of Metamodernism and Moderate Conservatism. Moscow, Prometej Publ., 2023. 326 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tarasov Aleksandr Alekseyevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 15.12.2024; одобрена после рецензирования 27.12.2024; принята к публикации 27.12.2024. The article was submitted 15.12.2024; approved after reviewing 27.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.